

В КОЛХОЗЕ ОТКРЫТ ТЕАТР...

ЗАМЕТКИ О КОЛХОЗНОМ ТЕАТРЕ

Н. ПОГОДИН

Трудно, конечно, рассуждать о вещах, которые смутно представляешь. Что это такое, колхозный театр? Надо честно и строго сказать, что мы такой театр не знаем и понятие о таком театре не «освоили» (речь идет о людях, пишущих для театра). И это надо признать не для услужливого самобичевания, занятия жалкого и бесплодного, а по деловым соображениям: у нас удивительно скоро вырастают, формируются и становятся на ноги специалисты по изумительным явлениям, и вдруг узнаешь, что, например, по вопросам переделки социально вредных людей органами ОГПУ мы имеем юрисконсультов в среде литераторов. Я такого одного юрисконсульта знаю. Он прежде всего шумит, срывает вас густым рядом специальных слов, кричит тысячу раз «неверно» и снова срывает. Мне пришлось разговаривать с руководителями строительства ББВП, и на вопрос о слагаемых перековки людей они просто ответили, что трудно им отыскать все слагаемые, что многое еще для них самих неясно, что они отнюдь не думают, будто сами вполне усвоили «специальность» переделки людей и знают ее потолок. Это говорили серьезные люди, перековавшие своими руками десятки тысяч заключенных в лагерях, писатель же, погостивший однажды на Бело-

морском канале, в восторге от своих знаний, не замечает, что он морочит голову себе и другим.

Могут ли также появиться в среде драматургической или окололитературной, в среде театральной или околотеатральной «юрисконсульты» и «спецы» по колхозному театру?

— Могут... если уже не появились.

Приезжает колхозник, между прочим рассказывает, они построили клуб с залом на 350 чел. В таких клубах в свое время играл театр «Красный факел». Привозили и ставили «Сверчок на печи» и даже «Саломею». Колхозы строят клубы. Газеты сообщают о массовом строительстве культурных учреждений. Все это прекрасно и показывает нам, во что выливается и оформится в дальнейшем социалистическая зажиточность, но самотек надо подхватить и сделать наиболее рациональным его движение.

В колхозах нет таких строителей, которые знают, как надо построить театр. Даже новые клубы Москвы имеют большие недостатки в отношении зрелищного устройства. Обычно сцена строится так, будто кроме стола президиума будущих собраний на ней ничего устраиваться не будет. Сцену просто не понимают. Ей уделяется последнее место в заботах. Ставить декорации, играть спектакль, оказывается, нелегко. Как правило, совершенно исключается «роскошь» уборных. За сценой бывает глухая стена с выходом в коридор или на улицу, — черный ход. Зал строится кишкой, без наклонного пола.

Думается, что высшие органы, ведущие наши политотделы, долж-

ны взять лучших архитекторов и разработать ряд типовых проектов строительства колхозных клубов. Это важное дело и первостепенное.

Где-то ставили пьесу «Николай и декабристы». Репертуар Художественного театра. Почему бы не разыграть? Обнаружился прорыв. Для лиц военных по стилю эпохи не нашлось белых рейтузов. Какой же декабрист будет в галифе? Но находчивость — мать побед. Стали играть в белых сподниках, маленько «подфорсивши» таковые.

— Сошло?

— Нет, не сошло.

Артисты разыгрывали историческую трагедию, а публика хохотала... Что ни выход, то смех. Трагедия провалилась. Артисты не учили, что горбуновские мужики, изумленные до одури видом Царь-пушки, — явление музейное. Речь идет о примитиве, товарищи. К понятиям, к установкам, требованиям культурной — конкретно, театральной — работы в деревне автоматически присоединяется понижающий трансформатор, — может быть, не стоит говорить о пренебрежительном отношении к деревенскому зрителю, но о большой оторванности от действительности говорить надо.

Политотдел Веневской МТС организовал постоянный театр. Коллектив приехал из Москвы. Играют известные актеры, работа ведется «в самом деле», без «дураков», спектакль ставится и разыгрывается так же, как если бы это было в Москве. Руководители театра говорят, что играть перед «деревней» надо без примитива, без навязчивой по-

пулярности и прежде всего серьезно. Если же зритель бывает непосредственным и иногда, забывшись, вдруг выскажет свое слово о герое («Ах, полдец»), то это только хорошо.

А что из репертуара больше всего доходит?

— «Свадьба Кречинского».

Между прочим об одной современной пьесе-водевиле у веневцев имеется краткая рецензия зрителей: «Актеры играют хорошо, а пьеса мусорная».

Пьеса, в самом деле, неважная. Смеялись и аплодировали, а все-таки — мусорная.

В каждом нашем начинании уклон к примитиву будет знаменовать разрыв с действительностью. А это со всех точек зрения опасно.

Репертуар...

По этому вопросу давно установилось и закрепилось мнение, что для колхозного театра нужен колхозный же репертуар. Театральные бригады, которые сейчас более или менее исправно выезжают в колхозы, возят пьесы «посевные» или «уборочные» или о том, как классовых врагов победил колхоз. Темы отличные, но пьесы отличаются своей примитивностью. Знаем мы авторов «посевных» и «уборочных» пьес, знаем, что это за пьесы.

Но это вопрос, так сказать, технический. Не все пьесы бывают плохими. Дело не в этом. Люди сеют; наработавшись, идут в театр. На сцене, оказывается, тоже сеют. Т. е. днем в жизни было настоящее, вечером показывают копию. Предполагается, что сеятелям получат огромное удовольствие, учтут все свои ошибки и, умудренные, станут сеять лучше и больше.

Я не снимаю агитационного воздействия театра. По наблюдениям, которые у меня имеются, деревня без особой радости принимает деревенский репертуар. Да, это близко, это понятно, это очень, может быть, верно и действительно поучительно, но почему обязательно в колхозе надо показывать только колхоз? Разве колхозные жители — островитяне, говорящие на своем островном языке и ограниченные интересами только своих колхозных перипетий?

Не так...

Пятилетка давно доведена до отдельного крестьянского двора. В колхозе есть люди, строившие плотину Днепротэса и домы на Магнитной горе. Красная армия отдает деревне людей, кругозор которых распространен до интернациональности. Репертуар, если его строить по принципу «колхознику — колхозное», даст отрыв от действительных процессов роста людей. И воздействие театра, которое «поднимает» человека, расширяет его мироощущение, будет воздействием мелким и односторонним.

И лучшие образцы современности, и Островский и Гоголь войдут в репертуар колхозного театра, к строительству которого всерьез мы приступаем.

«Литературная газета» 1934 г.
14 марта.